

Роза Сергазиева

Точная копия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С32

С32 **Сергазиева Р.Л.**
Точная копия / Роза Сергазиева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2013. – 236 с. (Серия «ДетектиФ»).

ISBN 978-5-458-23397-2

Научно-фантастический роман (серия «ДетектиФ»). Летом во время сдачи единого госэкзамена случился скандал: вместо выпускницы школы задачи по математике решала студентка технического вуза. Оказалось, что девушки безумно похожи друг на друга. Но они не близнецы, родились у разных матерей. Разве такое может быть? С научной точки зрения - вполне. История только начинается...

ISBN 978-5-458-23397-2

© Lennex Corp, 2013
© Р.Л. Сергазиева, 2013

ЧАСТЬ I

Спецпроект

Пролог

СТАРЦЕВ купил в вестибюльном автомате бахилы, натянул полиэтиленовые чехлы на башмаки и по длинному полутемному лабиринту (почему больничные коридоры всегда пессимистически тусклые, почему в них только двери, гигантское количество дверей и ни одного окна?!), периодически уточняя маршрут у спешащего навстречу персонала, дошагал до грудничкового отделения. Прежде чем толкнуть хлопающую створку, вытащил из пакета одноразовый белый халат и медицинскую маску. Завязал узелки халата, закинул резинки маски за уши, для верности укрепив конструкцию на носу. И превратился в безликого «человека в белом». Отныне он не станет добровольно надевать одежду белого цвета. Ни брюк, ни рубашек. Потому что за последние сутки узнал: белый цвет – цвет боли.

Палата оказалась большой. Вдоль стен стоял десяток глубоких пластиковых лотков (больница городская, сюда свозят несчастливцев из всех столичных роддомов), в которых вопили, суча ножками и ручками, маленькие человечки. Сестра, которая возилась между лотками, вопросительно повернулась к посетителю.

- Я – Старцев, - как можно громче откликнулся Геннадий, - мне разрешили.

Девушка молча кивнула (вряд ли она горела желанием перекричать стоящий в палате ор) и махнула рукой в угол. Туда, где стоял прозрачный контейнер – инкубатор для вынашивания новорожденных. Внутри облепленная проводами датчиков лежала совсем крошечная девочка. «Поместится в обувной коробке», - пронеслось в голове Старцева невольное сравнение. Но Геннадий тут же отругал себя: неприлично сравнивать живого человека с неодушевленным предметом, все постепенно выра-
с-

тают, и он сам был когда-то таким же маленьким сморщенным существом, ну может чуть иным, все-таки родился нормальным, его же дочери не повезло, она слишком хрупкая.

- Привет, Мара, - улыбнулся Старцев малышке. Ему захотелось подхватить кроху на руки, прикоснуться губами к лобку, но пришлось отложить родительские инстинкты на потом: пока он может лишь смотреть через пластик.

Что-то последнее время он общается с самыми близкими людьми через перегородки.

Лера, голос ее дрожал и испуганно вибрировал, позвонила ему на работу. Роды предполагались плановые, и только через два месяца. Но упрямый младенец смешал выверенные взрослыми планы и собрался вырваться на свет раньше срока. Жена почувствовала схватки и вызвала специальную «скорую». Старцев помчался в бароцентр.

Лера не могла иметь детей – неутешительный вердикт вынесли на заре их совместной жизни доктора. Слабое сердце не выдержит такого напряжения как роды. Ни кесарево сечение под полным наркозом, а уж тем более обычные многочасовые схватки. И жена поначалу, казалось, смирилась с судьбой. По крайней мере, больше эту проблему они не обсуждали.

Но где-то через пару лет Лера радостно плюхнула перед Старцевым толстую кипу распечаток интернетовских статей, посвященных современным (правильнее сказать - экспериментальным, на грани невероятного) методам родовспоможения. Жена проштудировала сотни воспоминаний женщин (со многими успела познакомиться-пообщаться), страдающих разными видами заболеваний, которые смогли благополучно и ребенка произвести на свет и сами остались в живых. Кто-то поверил в иглоукалывание, кто-то рискнул рожать в море, рядом с дельфинами.

- У нас есть шанс. Только нужно выбрать наиболее подходящий вариант, - мягко, но настойчиво улыбнулась жена.

Старцев тщательно изучил кипу листков, чтобы аргументированно отговорить супругу от навязчивой идеи (он сам, видимо, будучи на целых 15 лет старше Леры, равнодушно и без

истерик воспринял весть, что не оставит миру наследников), но неожиданно обнаружил нечто убедительное. С научной точки зрения, что, несомненно, важно для Старцева, потому что он и сам имел некое отношение к ученому сообществу. Московский бароцентр помогает рожать женщинам с разными патологиями, в том числе с болезнями сердца.

Как известно, сердце гораздо легче справлялось бы с нагрузками, если бы увеличилось количество кислорода, переносимого кровью. Но в обычных условиях подобный эффект не достижим: газы плохо растворяются в жидких средах. А вот если кислород подавать под давлением, он сможет раствориться в плазме и межтканевой жидкости. Поэтому и предлагается поместить роженицу внутрь барокамеры.

Старцевы съездили на экскурсию в бароцентр, пообщались с хирургами, работающими в условиях повышенного давления, почитали отчеты, посмотрели видеоролики на большом презентационном экране. Медики не скрывали – риск есть, но он несравнимо ниже, если бы женщина отправилась рожать в традиционный роддом.

В общем, супруги решились. Через полгода Лера, прекратив предохраняться, забеременела. Старцевы оформили квоту-направление в бароцентр. Беременность наблюдал гинеколог в районной женской консультации. В бароцентре, определив приблизительную дату родов, Леру поставили в график и снабдили телефонами экстренной службы. Жена уволилась с работы и полностью сосредоточилась на предстоящем событии. Лера безукоризненно выполняла указания гинеколога, ела по утрам творог, пила свежие фруктовые соки, много гуляла, чаще отдыхала. Героически боролась с утренней тошнотой и вечерней отечностью ног. А как только ультразвук показал, что будет девочка, стала закупать розовые одеяльца, комбинезончики, чепчики и носочки.

- Дочке лучше других подойдет имя Марина, - предложила Лера, выписавшая в длинный столбик перечень женских имен. – Ласково можно звать Марой. Тебе нравится?

Геннадий не возражал. Он приказал себе на ближайшие девять месяцев сконцентрироваться и строго следил за

собой: что делает и что говорит. Ничего не должно расстраивать жену. Женщине в её нелегком положении требуется атмосфера эмоциональной стерильности. Поэтому муж обязан ходить на цыпочках, думать на цыпочках, собственное недовольство выражать только за стенами квартиры. Главные трудности ждут впереди.

И они не заставили себя долго ждать: роды начались преждевременно. На их счастье операционная барокамера к приезду Леры оказалась свободна. (Барокамера – сложное техническое сооружение. Медицинские манипуляции производятся в среде, обогащенной кислородом под давлением. Давление до трех атмосфер наращивается и снижается постепенно. Поэтому персонал находится в барокамере по многу часов. Иногда, если смена слишком затягивается, медикам через специальный люк передают еду и воду). Поэтому Старцеву из приемного покоя сразу же переместили внутрь гигантской камеры, вслед за ней вошла акушерская бригада, и люк закрылся.

Геннадий остался снаружи, и через небольшой иллюминатор мог наблюдать за женой. Ему хотелось, как героям голливудских мелодрам, держать Леру за руку, дышать с ней в едином ритме, шептать ласковые слова. Но вместо этого он вынужден то метаться по полутемному ангару, то прилипать носом к толстому стеклу иллюминатора.

Час...

Второй...

Четвертый...

Лицо Леры под кислородной маской побледнело, губы посинели. Геннадий видел, что дышит жена с трудом. Периодически, на очередную схватку, лоб роженицы покрывается бисеринками пота, она приподнимается над креслом, судя по всему, кричит (Старцев не слышит жену, там, где он находится, снаружи барокамеры – стерильная тишина), потом тяжело падает обратно, закрывает глаза. По суетливым жестам медиков Старцев понял, что ситуация накаляется. Только бы Лера выдержала. Ну, когда же, когда закончится эта мука и появится ребенок?

Евгений стукнул кулаком по чугунной поверхности барокамеры и отошел к стене. Прислонился к холодной штукатурке, постоял, опустив голову, и вновь ринулся к иллюминатору. Сознание тотчас зафиксировало: внутри произошли изменения. Одна из сестер, которая находилась постоянно возле жены, неожиданно оказалась в другом конце операционной. Женщина склонилась над столом и что-то тщательно и осторожно протирала. Старцев нервно перебежал к другому иллюминатору и, наконец, рассмотрел крошечного младенца, над которым колдовала медсестра.

Геннадий бросился к телефону, теперь он сможет поговорить с женой. Но трубку взял врач (голос акушера, находящегося в барокамере под давлением, звучал неестественно, по мультяшному). Роды прошли тяжело, пациентке ввели лекарство, чтобы она спала. Девочка, которая родилась недоношенной, тоже очень слабенькая. Как только давление в барокамере опустится до «внешнего», и люк откроется, маму перевезут в палату, а девочку переправят в детскую больницу, в специальное отделение, где выхаживают грудничков с проблемами. А так как это произойдет не скоро, акушер посоветовал папе поехать домой и немного отдохнуть.

Геннадий еще раз посмотрел на жену: лицо по-прежнему бледное, но спокойное – и послушно поехал домой. Однако нервное напряжение не отпускало: он шаркал в тапках из комнаты в комнату, пил большими глотками воду, чтобы справиться с невесть откуда взявшейся жаждой, потом долго и безуспешно пытался уснуть на диване. Дотянув кое-как до утра, Старцев позвонил в бароцентр: нет, жена еще находится под действием лекарств. Навещать пока нет смысла. А вот дочку он может увидеть, и Старцеву продиктовали адрес.

Евгений провел пальцем по шершавой поверхности инкубатора, очертив силуэт малышки. На кого она, интересно, больше похожа? На папу или маму? Он разглядел крошечный носик-пуговку, круглый подбородок, сморщенный лоб, на виске полоска лейкопластыря прижимала канюлю для вливаний.

Вены у малышки настолько крошечные, что колют в те, которые хотя бы можно увидеть.

Девочка завозилась и приподняла кулачок. Старцев тяжело вздохнул: знала бы ты, Мара, что держишь в своей крошечной ручке судьбы сразу трех человек. Если что-то случится с тобой, начнется цепная реакция. Лера не перенесет трагедию. Что тогда будет с ним?

Вот ведь парадокс: Старцев – известный в стране генетик, досконально изучил, как на клеточном уровне «включаются» часы жизни, сам сколько раз в лаборатории создавал с нуля и выращивал новые организмы. И вот он – великий манипулятор не способен защитить собственного ребенка!?

Медсестра, закончив процедуры с пациентами в лотках, направилась к кювету. Проверила показания приборов на бортике, заглянув в тетрадь назначений, распечатала упаковку с одноразовым шприцем, и, открыв одно из окошек инкубатора, ловко вставила иглку в канюлю, прилаженную к телу Мары.

«Берут кровь на анализ», - догадался, поживаясь, Старцев. Зрелище не для слабонервных: с расстояния, сквозь плотный, двухслойный колпак инкубатора кажется, что игла одной толщины с ручкой младенца.

Медсестра подписала пластиковый цилиндр и поставила в штатив, к другим таким же пробиркам с образцами крови младенцев. Старцев непроизвольно сосредоточил взгляд на темно красных пятнах.

Ему, как никому другому, известно, что капля крови – биологический паспорт человека. В ней записан генетический код индивидуума, подробнейший информационный файл, в котором зафиксированы привычки и способности, черты характера, внешние особенности: цвет и разрез глаз, форма носа и подбородка, очертания фигуры, тембр голоса и границы роста, размер обуви и густота шевелюры. Сотни параметров, которые делают человека неповторимым. И Старцев, в силу своей специальности, умеет правильно обращаться с этой информацией. Следовательно...

Следовательно, он способен защитить собственного ребенка!

Геннадий дождался, когда сестра переместилась в другой конец палаты, направился к двери, и, проходя мимо стола, незаметно смахнул в карман пробирку с фамилией дочери.

Глава 1

ДВЕРЬ приоткрылась, в комнату проскользнула мама. Илона скрипнула зубами и повернулась на другой бок: только телячьих нежностей ей сейчас не хватало!

- Котеночек, - просюсюкала мама, - не надо так расстраиваться. Всё наладится. Вот увидишь, папа что-нибудь придумает.

- Ненавижу, - прохрипела Илона. – Ненавижу его.

- Рыбка, - Елена осторожно коснулась плеча дочери, - не говори так. Борис желает тебе только добра.

- Он понятия не имеет, что мне нужно на самом деле, - Илона отшвырнула руку матери и вскочила с кровати. - И никогда, слышишь – никогда не интересовался моим мнением. Как будто я бездушная кукла, судьбой которой легко распоряжаться.

- Илона! – раздался из глубины дома строгий окрик отца. – Елена! Мы вас ждем.

Лена, не обращая внимания на сопротивления дочери, вынула из кармана платок и протерла её заплаканные щеки. Потом подтолкнула девушку к двери.

В гостиной помимо отца находился еще один, как его называла Илона, «дополнительный член семьи Малаховых» - адвокат Дмитрий Расколов. Без участия юриста, казалось, в их доме не решается ни один вопрос. По крайней мере, проблемы с непослушной дочерью (а Илона будто специально старалась, чтобы количество подобных не уменьшалось) обсуждаются только в присутствии Расколова.

- Итак, её окончательно выгнали, - объявил грозно Малахов, как только мать и дочь появились в гостиной.

Когда Борис злился на чадо, что происходило беспрерыв-

но, предпочитал называть Илону не по имени, не «дочь», а отстраненно, в третьем лице – *она*.

- Вижу, вся семейка в сборе, - фыркнула Илона, и, беспечно встряхнув браслетами на запястьях, плюхнулась на диван.

- Чем её не устроила Англия? – хлопнул кулаком по спинке кресла Борис.

Борис Малахов внушительных размеров состояние сумел сделать за последние десять лет на столичной недвижимости. Нет, он не строил жилые многоэтажки или громоздкие торговые центры. Бизнесмен сдавал помещения в аренду под офисы. Вовремя обратив внимание на опустевшие заводские цеха. Удивительная вещь: в советскую эпоху производственные корпуса почему-то располагали внутри города, близко к центру. Но ответ лежит на поверхности: советские заводы – по большей части суть национализированные после революции производства, которые в царские времена находились там, где им полагается - на окраинах. Но город стремительно расширился, и цеха – капитальные, кирпичные сооружения очутились к финалу XX века в самых сладких местах столицы, буквально в сотне шагов от внешней границы Садового Кольца.

Малахов охотно скупал площади у предприятий, сворачивающих производство. Не здания – сказка. Высокие потолки, крепкие стены. Оставалось лишь утеплить фасад, проложить новые коммуникации – вентиляцию, отопление, канализацию. Причем, можно не стараться и не прятать трубы под навесными потолками – нынче в моде промышленный дизайн, чтобы человек мог «любоваться» не только кирпичной кладкой, но и проводами. Не нужно и перегораживать «цеха» стенами – арендаторы предпочитают рассаживать сотрудников в больших открытых помещениях.

Сдача квадратных метров приносила Малахову стабильные прибыли: размножающийся в геометрической прогрессии офисный планктон требует новых мест обитания. В столице так много фирм, что в желающих отбоя нет, даже в периоды кризиса.

Материальной составляющей собственной семьи Малахов рулил твердо и успешно. Не было проблем и с женой. Лена – женщина робкая, послушная, большими деньгами не развращенная, сосуществовала рядом без особых требований и претензий.

Но вот с дочерью Малахову явно не повезло.

Женился Борис по любви. Познакомился с девушкой банально, в метро (смешно вспомнить: в ранней молодости он передвигался по городу исключительно в подземке, теперь даже не знает, сколько стоит билет). Лена сидела в углу вагона и делала вид, что поглощена чтением книги, даже страницы периодически не забывала переворачивать, хотя на самом деле (как призналась позже) пристально изучала парня напротив, который уже тогда выглядел солидно и старше своих лет. Окончив институт, Малахов не собирался трубить в НИИ, в середине 80-х неожиданно столько возможностей открылось перед активными людьми, что тратить время на протирание штанов в каком-нибудь заштатном учреждении вовсе не хотелось. Вместе с однокурсником Малахов подался в коммерцию и создал информационный кооператив «Адрес».

В те годы в Москве чуть ли не ежедневно открывались десятки, если не сотни магазинов, барахолок, рынков. В старые времена информация о торговых точках размещалась в солидных толстых справочниках, которые выходили лишь раз в год. А тут данные обновлялись стремительно, буквально по часам. Требовалось помочь не только покупателю найти нужный товар в нужном магазине, но и новичкам-магазинам – направить в них потенциальных клиентов. Это в эпоху интернета подобная проблема кажется надуманной, но тогда люди и в самом деле готовы были платить деньги, чтобы узнать нужный телефон. Что и предоставляла фирма «Адрес». Платили охотно и магазины, чтобы их координаты попали в базу данных и стали как можно быстрее доступны покупателям.

Словом, Малахов оказался молодым и финансово перспективным женихом. Денежная масса в новой семье нарастала постепенно. И поначалу Лена с Борисом радовались как дети,

попавшие в магазин игрушек. Хотелось всего попробовать. Как только выдавалась свободная неделя, отправлялись путешествовать за границу. Купили отдельную квартиру, в центре, сделали сногшибательный ремонт. Забили кухню разнообразной техникой. Говорят, деньги дарят свободу. А большие деньги? Неограниченную свободу. Постепенно Малаховы перебрались за город, построили дорогой коттедж с бассейном и спортивным залом, обзавелись домработницей, поваром, водителем и садовником. И теперь ездили за границу не только на отдых, но и на кино- и музыкальные фестивали, на вернисажи современных маститых художников.

Возможности расширились, но, что радовало Малахова, их отношения с женой не изменились, они с Леной не стали другими, сохранили привычки и предпочтения, а значит, остались такими же, как в первые годы брака. Лена покупала одежду в тех же магазинах, что и раньше, ходила многие годы в одну и ту же парикмахерскую, к мастерам которой привыкла, не увлекалась мехами или бриллиантами, не требовала виллу на Лазурном берегу. Сам Борис не обзавелся персональным самолетом или яхтой (хотя мог, средства имелись). Малаховы жили в комфорте, но оставались равнодушны к излишней (ненужной) роскоши. Общаться предпочитали со старыми друзьями, которые утверждались в этой жизни одновременно с ними.

Но вот у дочери прививки от богатства не было. Илона в нем родилась. У Лены даже в мыслях не было перепоручить уход за девочкой няне – женщина с удовольствием все делала сама. Причем с невероятным рвением. Прежде всего, в игровую переделали самую большую комнату в коттедже на первом этаже и доверху забили её игрушками. Малахов показательно ворчал, что неразумно до такой степени баловать ребенка. Но сам привозил все новые и новые паровозики, куклы, мячики и кубики. Ведь взрослые только делают вид, что покупают игрушки детям. На самом деле – они покупают их себе, радуясь, что могут позволить то, чего были лишены в собственном детстве.

Малолетство пролетело стремительно, Илона отправилась в школу. В обычную. Они, конечно, могли выбрать дорогую